

ББК 63.3(285.37)5

С.Ю. Исупов

**Роль Бийской крепости
в военно-колониционной политике
Российской империи на Алтае
в первой половине XVIII в.**

S.Yu. Isupov

**Significance of the Bijsk Fortress
in Military and Colonization Policy
of the Russian Empire in the Altay
in the 1st Half of XVIIIth Century**

Эволюция военно-стратегической роли Бийской крепости заключалась в изменении фортификационного статуса крепости и всегда сопровождалась коренной модернизацией уже существующих укреплений. К середине XVIII в. Бийская крепость становится важным звеном в единой системе Колывано-Кузнецкой оборонительной пограничной линии.

Ключевые слова: военно-колониционная политика Российской империи на Алтае, Бикатунская крепость, порубежный острог, модернизация оборонительных комплексов, драгунская гарнизонная команда, центральное звено Колывано-Кузнецкой пограничной линии.

К концу XVIII в. Российская империя, формирование которой как огромной евразийской державы ускорилось в результате активной внешней политики Петра Великого, имела в Сибири самые протяженные границы. Одним из методов колониционной политики России было сооружение форпостов, крепостей и системы пограничных укрепленных линий на вновь присоединенных территориях региона. Особо важную роль эта военно-инженерная политика русского правительства играла в процессе формирования этнополитических границ на юге Западной Сибири и на Алтае в частности. Здесь на протяжении всего XVIII в. связь фортификационного строительства и колонизации была особенно тесной в связи с постоянно высоким уровнем военной опасности с юга [1, с. 4, 14].

Среди российских опорных пунктов, сыгравших важную роль в истории военно-политического присоединения и хозяйственного освоения Алтая, особое место занимала Бийская крепость. В данной публикации мы предприняли попытку анализа роли Бийской крепости в имперской колонизации Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. в контексте стратегии и реалий русской военно-колониционной политики этого периода в регионе. Эволюция стратегической роли форпоста на Бии на протяжении всего периода его существования заключалась прежде всего в изменении фортификационного статуса крепости

The evolution of strategic and military role of the Biysk Fortress was in the change of the fortress fortification status and was accompanied by modernization of existing by this time fortifications. To the middle of XVIIIth century Biysk Fortress became an important link in the unified defense system in the Kolyvano-Kuznetsk border-line.

Key words: military and colonization policy of the Russian Empire in the Altay, Bikatunskaya Fortrees, boundary town, modernization of the existing fortifications, reinforced squadron of dragoons, important link in the Kolyvan-Kuznetsk border-line.

и всегда сопровождалась коренной модернизацией уже существующих укреплений либо строительством новых оборонительных комплексов, увеличением численности гарнизона и крепостной артиллерии. Основой источниковой базы исследования явились большей частью еще не публиковавшиеся архивные данные ряда фондов Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного архива древних актов и отдельные документы, находящиеся в Центре хранения архивного фонда Алтайского края [2].

В архивных документах XVIII–XIX вв. и в трудах большинства дореволюционных историков началом истории как Бийской крепости, так и самого Бийска, старейшего города Алтая, считается 1709 г. [3, л. 155]. 18 июня этого года было закончено возведение Бикатунского острога, сооруженного у истоков Оби по именному указу Петра I от 29 февраля 1708 г. [4, л. 1]. Срубленный в районе пересечения важнейших военно-торговых и миграционных путей, ведущих из северных районов Сибири в Центральную и Среднюю Азию, он имел огромное стратегическое значение, так как закреплял за Россией правобережье Верхнего Приобья. Просуществовав около года, острог летом 1710 г. был сожжен джунгаро-телеутским войском. В июле 1718 г. во исполнение указа сибирского губернатора М.П. Гагарина и приказов кузнецкого комен-

данта полковника Б.А. Синявина кузнецкие «всяких чинов служилые люди» заканчивают сооружение пограничного укрепления на правом берегу Бии, «в двух поприщах верст» выше ее слияния с Катунью. В первые два десятилетия гарнизон форпоста даже не был постоянным, а состоял из 50–60 пеших и конных кузнецких служилых казаков, дважды в год сменяемых новым составом [5, л. 10–14об.]. Во главе гарнизона стоял крепостной приказчик из числа кузнецких служилых дворян, который так же сменялся через год новым «начальным человеком».

В начале 30-х гг. XVIII в. Сибирская губернская канцелярия, в чьем ведении находились пограничные укрепления региона, зачастую даже не имела точных данных о местонахождении и гарнизонном составе многих из них. В числе таких «заброшенных» некоторое время была и маленькая Бикатунская крепость. В 1732 г. Военная коллегия запросила у сибирской администрации сведения о всех укрепленных пунктах для составления «Экстракта о всех в Сибири находящихся пограничных городах, крепостях и форпостах». Об укреплении на Бие канцелярия смогла рапортовать лишь следующее: «Имеется в степную сторону от города Томска Биской фарпост, а в оном казаков 44 человека, токмо того фарпоста по имеющейся в губернской канцелярии генеральной карте в каком он месте и в которую степную сторону – сего не показано» [6].

Только в 1734 г. в губернскую канцелярию поступило первое описание оборонительных сооружений Бикатунской крепости, составленное в Кузнецкой воеводской канцелярии. В подготовленном ею экстракте отмечено следующее: «Бикатунская крепость была построена в прошлом 709 году по указу Блаженная и вечностойная памяти Его Императорского Величества ... поставлена была на усть Бии и Катуне реке кузнецкими служилыми людьми. А в 710 году приходили под Кузнецк калмыцкие люди войною и оную крепость сожгли и вновь на том месте острог не построен, а построен выше того места в прошлом 718 году ... деревянный, длиною 24 сажени, поперек 20 сажен, по углам четыре башни, под ними четыре казармы, в стенах двои проезжие ворота, в остроге анбар кладовой для провианту, да погреб зелейный» [7, с. 24]. Этот экстракт был послан в ответ на запрос историка Г.Ф. Миллера и в числе прочих документов послужил основой для составления «Описания Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года.» Миллеровское описание укреплений крепости в целом идентично кузнецкому, но в нем есть одно явное несоответствие. Упомянув четыре угловые башни укрепления, Миллер добавляет, что «...еще одна башня находится над воротами, которые ведут в крепость со стороны, противоположной реке» [8, с. 22]. Однако ни в одном из документов, касающихся

ремонта крепостных сооружений в период с 1730 по 1732 г., нет ни одного упоминания о пятой, надвратной башне. Очевидно, ошибка появилась в тексте в процессе не очень внимательной обработки присланных из Кузнецка данных.

Планы оборонительных сооружений Бикатунской крепости 1718 г. сохранились на чертежах более поздних крепостных комплексов 1749, 1750 и 1752 гг., поэтому мы можем восстановить внешний облик первоначальных укреплений относительно достоверно. Строились они по проекту, характерному для оборонного зодчества Сибири XVII–XVIII вв. и являлись типичными для большинства пограничных острогов сибирского порубежья. Самый ранний чертеж, фиксировавший состояние крепости на март 1749 г., был составлен кондуктором инженерного корпуса Виктором Мадером [9]. Крепость была прямоугольной в плане, общая ее площадь достигала 4800 квадратных метров. Крепостные стены представляли собой так называемые городни – два ряда горизонтально положенных друг на друга бревен, скрепляемых вертикальными связями из бревен и бруса. По углам стен высились четыре рубленые в три этажа башни высотой около 15 м. По мнению бийских комендантов середины XVIII в., место для возведения крепости было выбрано тактически малоудачно. Призванное прикрыть «Обской плавёжный перевоз» на слиянии Бии и Катуня, укрепление находилось почти в 15 верстах северо-восточнее его, позволяя неприятелю беспрепятственно обойти его. До сих пор остается непонятным, почему в 1718 г. Иван Максюков не соорудил новый острог на месте сожженного восемью годами ранее – на высоком речном мысе Бии, против впадения в нее Катуня, где и находилась стратегически важная переправа [10, с. 106].

Сооружение Бердского острога, Белоярской и Бикатунской крепостей во многом способствовали тому, что в 1719–1720 гг. русские власти добились практически полного свертывания сбора алмана Джунгарией в Верхнем Приобье. Расположенная на юге Кузнецкого колонизационного района, Бикатунская крепость становится базой для отрядов кузнецких служилых казаков, собирающих ясак с алтайского населения Кумандинской, Кузенской, Челканской, Комляшской волостей (бассейны Лебеди и Бии), а также расположенной в бассейне Иши Яуцкой волости. Эти волости Кузнецкая воеводская администрация считала более зависимыми от России, поэтому приказчикам крепости первоначально предписывалось всячески препятствовать попыткам проникновения сюда джунгарских сборщиков алмана. Но уже в 1736 г. крепостному приказчику Хабарову в приказе кузнецкого коменданта Шапошникова неоднократно было указано «зенгорским алманским сборщикам воспрещения не чинить, но иметь за ними конными посылками крепкое смотрение, дабы на крепостную сторону чрез

Бию переправы не вчиняли» [11, 119, 129–130об.; 12, л. 56–58]. В реальности малочисленные (10–15 конных казаков) разъезды бикатунских «годовальщиков» в лучшем случае могли лишь фиксировать это проникновение. Утверждение разъездной (линейной) системы охраны границы на юге Западной Сибири, породившее впоследствии линейный принцип размещения укрепленных пунктов, следует отнести к 1738 г., когда оформились основные направления разъездов на старых Ишимской и Кузнецкой линиях [1, с. 15]. Однако это «аванпостирование» границы велось лишь с апреля по октябрь и вообще прекращалось в зимние месяцы. Главная причина заключалась в хронической нехватке личного состава, оружия, боеприпасов и снаряжения. Вообще воинские силы в Сибири к середине 30-х гг. XVIII в. были таковыми, что даже сибирский губернатор А.Л. Плещеев вынужден был признать неспособность защитить кузнецкое порубежье в случае войны с Джунгарией. На Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую провинции огромнейшей Сибирской губернии приходилось всего не более 5 тысяч солдат и драгун в трех пехотных да одном драгунском полках, плюс не более 3,5 тысяч казаков [13, с. 233].

Определенные шаги в сторону укрепления военно-стратегического положения России на юге Западной Сибири начинают предприниматься по инициативе Б.К. Миниха, ставшего в 1732 г. президентом Военной коллегии. В частности, в 1736 г. был сформирован драгунский полк, двумя годами позже получивший название Кольванского. По указам президента Военной коллегии Б. Миниха с 1737 г. планируется переброска армейских и казачьих контингентов из тыловых городов и волостей именно туда, где эти контингенты требовались более всего – на пограничные рубежи. От местной администрации было потребовано обеспечить в этих районах возможность их постоянной дислокации и сооружения в «тамошних крепостях и форпостах, где надобность имеется слободок к зимнему пребыванию». К сожалению, эти приказы по различным причинам большей частью так и остались невыполненными губернской администрацией, и реальная передислокация большинства регулярных войск и иррегулярных казачьих сотен на южно-сибирские границы начинается только в 1740–1741 гг. [14, л. 45].

Одним из исключений явилась Бикатунская крепость, куда в мае 1738 г. из Кузнецка перевели полуполк Кольванского драгунского полка под командованием поручика Петра Фадеева. Драгунский офицер доставил приказчику крепости Ивану Хабарову указ Кузнецкой воеводской канцелярии, в котором подчеркивалось, что «сия воинская команда допреж всего затем прислана, что имеется великое опасение до приходу воровских воинских людей калмыцких» [15, л. 34–40об.]. Имея множество сведений о подготовке Джунгарии к войне, Сибирская губернская канцелярия

с 1738 по 1741 г. 83 раза предупреждает кузнецкую администрацию о «великих предосторожностях» от возможных набегов из-за Бии.

Таким образом, Бикатунская крепость первых двух десятилетий своей истории – это типичный для Сибири XVII в. порубежный острог так называемого малого чина. Имевший малочисленный сменный гарнизон и минимальную артиллерию, этот русский сторожевой форпост, не предназначенный для длительной обороны и находящийся на дальних подступах к Кузнецку, служил лишь для раннего оповещения о неприятельском вторжении в лежащие севернее волости. В подавляющем большинстве документов до 40-х гг. XVIII в. укрепление называлось Бикатунским и именовалось крепостью, хотя ни по своим военно-инженерным характеристикам, ни по реально решаемым задачам таковой не являлась.

К началу указанного выше периода обстановка на южных границах Западной Сибири продолжала оставаться критической, а русские поселения в Обь-Иртышском междуречье были по-прежнему практически беззащитными. Поэтому Сенат и Военная коллегия рядом указов вновь потребовали от сибирских властей обновить и расширить все порубежные укрепления и усилить их гарнизоны регулярными пехотными и драгунскими частями. В силу одного из таких указов в 1740–1741 гг. защитные сооружения Бикатунской крепости усиливаются новой двойной линией надолбов и рогаток, из Кузнецка доставили пять полевых 3-фунтовых орудий. Напротив крепости, на высокой Бийской гриве, был сооружен новый форпост. Гарнизон крепости в то время состоял из усиленного эскадрона Кольванского драгунского полка и казачьей сотни – всего 253 человека при 9 орудиях [16, л. 1–3]. И все-таки ни оборонительные сооружения, ни количество гарнизона и артиллерии никак не соответствовали задачам, отведенным этому стратегически важному пограничному укреплению – прикрывать всю Кузнецкую провинцию от набегов с наиболее опасного южного направления. Большая часть гарнизона располагалась в слободе, единственной защитой которой были все те же надолбы и рогатки. Крепостные сооружения, возведенные по военно-инженерным канонам XVII в., регулярно ремонтировали, но давно уже морально устарели. Бикатунская крепость первой половины XVIII в. была типичной для сибирского деревянного оборонительного зодчества того времени башенной крепостью с заплотными стенами. Для выполнения даже самых насущных военно-оборонительных задач в этом районе необходимо было создать так называемую регулярную войсковую крепость с сильным гарнизоном и артиллерией крупного калибра, способную стать базой и для выносимых за существующую линию границы сезонных пикетов. К началу 1743 г. слухи о возможной войне с Джунгарией становятся настолько реальными, что перед Сенатом и Военной

коллегией встала острейшая необходимость разрешения целого комплекса проблем, связанных с усилением обороноспособности южносибирских границ, причем в самые сжатые сроки. На совместном заседании Сената, Военной коллегии и коллегии иностранных дел 11 сентября 1744 г. были утверждены новые принципы военно-инженерной стратегии в Сибири, которые, в числе прочего, предполагали создание Сибирского регулярного корпуса и начало широкомасштабного строительства укрепленных пограничных линий [17, л. 12–12об.].

Стихийное внеплановое уплотнение русских опорных пунктов между Шульбинским заводом и Бийской крепостью начинается еще в июле 1745 г. Однако масштабное строительство укрепленных линий, получивших у историков-краеведов названия Старо-Колыванской и Старо-Кузнецкой, началось после выхода известного указа Елизаветы Петровны от 1 мая 1747 г., юридически оформившего переход в собственность императорской фамилии всех алтайских горных заводов и рудников. Указ повелевал в ряде южных районов Алтая «для оберегания заводов серебряных от набегов и разорений неприятельских сделать крепости». Бикатунская же крепость, как уже существующая, попала в разряд тех укреплений, которые следовало «по потребу смотря прибавлять или укреплять и артиллерию удовлетворять» [18, л. 329–330].

Строительство новой Бийской крепости, которым руководил комендант подполковник Семён Колобов, началось осенью 1749 г. и закончилось летом 1751 г. Периметр стен новой крепости составлял более 650 метров. Она имела пять трехэтажных деревянных башен: Генеральную, Московскую, Кузнецкую, Про-

езжую и Бикатунскую [19]. Первоначально крепостная артиллерия насчитывала 20 орудий полевого калибра, но к концу 1750-х гг. это количество возросло до 30–35 стволов за счет присылки новых пушек из тыловых укреплений и Колывано-Воскресенских горных заводов. В 1756 г. в крепость из Тобольска и Каинского острога было прислано несколько 12-фунтовых крепостных пушек. К середине XVIII в. вместо расформированного Колыванского полка в крепости и ее нагорном форпосте несла службу драгунская бригада, состоящая из эскадронов Луцкого и Олонецкого полков, три роты Енисейского пехотного полка, три сотни так называемых крепостных казаков и артиллерийская команда.

Новый обер-комендант линии полковник Ф.И. Дегаррига, характеризуя Бийскую крепость, которая становится его штаб-квартирой, докладывал начальству: «Крепость сия ныне постройкою благополучно закончена и ко всякому употреблению надлежаще приуготовлена, гарнизон и команда артиллерийская в полном комплекте по штату состоят» [17, л. 98, 123].

Отныне Бийская крепость становится важным звеном в единой системе оборонительной пограничной линии, протянувшейся через весь предгорный Алтай, от крепости Усть-Каменогорской до Кузнецка. Сооружение этой линии, позднее названной Колывано-Кузнецкой, в основном завершилось в 1756–1757 гг., хотя уплотнение форпостов продолжалось и позднее. Она прикрывала горные заводы и земледельческие волости Верхнего Приобья со стороны южной границы и к середине 60-х гг. XVIII в. насчитывала 32 опорных пункта, протянувшихся на 457 верст [17, л. 149–149об.].

Библиографический список

1. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1990.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248 (1-й департамент Сената), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия), 1402 (Бийская крепость).
3. РГАДА. – Ф. 199. Портфели Миллера. Портфель 481. Ч. 2. – Д. 1.
4. РГАДА. – Ф. 214. Сибирский приказ. – Оп. 1. – Д. 1665.
5. РГАДА. – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 2.
6. РГАДА. – Ф. 248. 1-й департамент Сената. – Оп. 3. Кн. 143. – Д. 64.
7. Сибирь XVIII в. в путевых заметках Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. 6.
8. Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма. – Барнаул, 1986.
9. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 50. Чертежная главного управления Алтайского горного округа. – Оп. 18. Ед. хр. 6334.
10. Исупов С. Ю. К вопросу о месте сооружения Бикатунского острога 1709 года // Бийские градоначальники. – Бийск, 2002.
11. РГАДА. – Ф. 1402. – Оп. 1. – Д. 2.
12. РГАДА. – Ф. 1402. – Оп. 1. – Д. 3.
13. Исупов С. Ю. Основные моменты истории Отдельного Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы истории археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 23. Воинская комиссия при канцелярии Военной коллегии. – Оп. 1/121. – Д. 937.
15. РГАДА. – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 2.
16. РГВИА. – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 796.
17. РГВИА. – Ф. 23. – Оп. 1/121. – Д. 937.
18. ЦХАФ АК. – Ф. 1. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. – Оп. 1. – Д. 99.
19. ЦХАФ АК. Ф. 50. Чертежная главного управления Алтайского горного округа. – Оп. 18. Ед. хр. 6334.